

КУЛЬТУРНЫЙ СЛОЙ

ПОДМОСТИКИ

Три пингвина и голубка

Новый главный режиссёр Пермского ТЮЗа сумел показать себя лишь с третьей попытки

Юлия Баталина

Пермский театр юного зрителя давно доказал, что владеет редкостным искусством делать спектакли для зрителей любого возраста. Классический пример из недавнего — «Золочёные лбы», один из лучших спектаклей «позднего» Михаила Скоморохова, поставленный по сказке Бориса Шергина. Но то — Скоморохов. Мастер! Новый же главный режиссёр, петербуржец Евгений Зимин, поначалу заявил о себе не слишком успешно: он поставил в Перми уже два спектакля — «Елену Премудрую» и «Мещанина во дворянстве», и оба зрительских восторгов не вызвали. Поэтому на его третью работу, подростковую комедию «У ковчега в восемь» по пьесе немецкого автора Ульриха Хуба, завзятые театралы шли с некоторой опаской и были приятно разочарованы.

Прежде всего, это замечательная пьеса. Ульрих Хуб написал её в 2006 году для конкурса детских пьес на религиозную тему, и она не только победила, но и была признана лучшей детской пьесой Германии. Для России её открыл именно Евгений Зимин: он впервые в России поставил её в Екатеринбурге, даже перевод на русский язык был выполнен по его просьбе. После этого пьеса начала ставиться во всех российских ТЮЗах: известно, как непросто обстоят дела с подростковым репертуаром.

Зимин — такой же специалист по «Ковчегу...», как Гурфинкель — по «Ква-

дратуре круга» и «Чужому ребёнку». Это обстоятельство зрителей как вдохновляло, так и настораживало: да, режиссёр хорошо владеет материалом, но не будет ли он грешить самоповторами? Однако Михаил Скоморохов, знающий предыдущие работы Зимины, утверждал, что тот сочиняет абсолютно оригинальную постановку.

Сочинил он, в самом деле, много. Текста в пьесе Ульриха Хуба — на 40 минут. Спектакль идёт почти вдвое дольше. Выразительная пантомима, танцы, песни, акробатика... От актёров Петра Юркова, Анны Михайловой и Степана Сопко потребовалось максимум профессионализма — умение

и на голове стоять, и слезу из зрителя выбить. Стилистика спектакля приближена к клоунаде, а клоун, как известно, должен уметь всё то же, что и прочие циркачи, только лучше.

Все герои пьесы — птицы: пингвины и белая голубка. Художник по костюмам Наталья Ермолаева сочинила им совершенно классный внешний вид — в каждом есть что-то птичье и в то же время трогательно человеческое. Пингвины в светлых широченных галифе и фраках с длинными фалдами носят забавные цветные шапочки, а крылья голубки напоминают рукава пеньюара замотанной проблемами домохозяйки.

Сценография столь же изобретательна (художник Анатолий Шубин): гигантский ледяной торос превращается в дощатый Ковчег, который свободно раскачивается, очень похоже имитируя корабельную качку, а весь реквизит состоит из нескольких ватных одеял и огромного чемодана.

Пингвинов трое, и, когда голубка объявляет, что на Ковчег зовут только пару («каждой твари по паре»), а третий погибнет в потопе, друзья решают пропащить его на Ковчег контрабандой. Голубка — абсолютно бенефисная роль Заслуженной артистки России Валентины Лаптевой. Взъерошенная пожилая хлопотунья с хриплым голосом и в тяжёлых бутсах, накручивающая по ночам бигуди на седые «перья», напоми-

нает, скорее, курицу, но птичьей специфики не теряет. Изумительная ирония и чувство меры позволяют актрисе решительно и в то же время жизнерадостно разделаться со стереотипами, сложившимися вокруг библейского образа.

Вообще, со стереотипами здесь разбираются легко: неоднократно актёры образуют статичные композиции, пародирующие иконы и известные картины на религиозные сюжеты. Получается смешно, но ничуть не грубо — все пародии в спектакле очень добрые.

Конечно, нашлись зрители, обвинившие ТЮЗ в кощунстве — ну, без этого теперь никак. Но в целом зал принимает «Ковчег...» абсолютно восторженно, адекватно реагируя на все шутки, многие из которых, по славной тюзовской традиции, адресованы старшему аудитории. Достаточно вспомнить лишь, как грохнулся зал на премьере, когда один из пингвинов патетично воскликнул: «Своих не сдаём!» или когда, прибыв на ковчег, пассажиры поинтересовались, есть ли на борту бассейн и надо ли переодеваться к ужину.

При всей вольности обращения с первоисточником «Ковчег...» пропагандирует самые что ни на есть христианские ценности — точнее, главную из них: любовь к ближнему. И это так трогательно, что, вдоволь насмеявшись, зрители ближе к финалу украдкой утирают слёзы умиления. ■

